

IVAN SMIRNOV

Экзистенциальный трагизм мигрантов в нарративах Федора Степуна

The existential tragedy of migrants in the narratives
of Fyodor Stepun

Abstract. Modern researchers, analyzing the paradigms of global migration processes, focus on the brilliant creative legacy of Fyodor Stepun, a representative of Russian cultural emigration, a religious philosopher, sociologist and publicist, who reflected in his narratives the migration experience of an entire generation. The reasons for the increased demand for Stepun's philosophical research lie in the philosophical analysis of the existential crisis of a migrating person, which is consonant with today's realities. Stepun's thought configurations from the disciplines accompanying philosophy – political science, anthropology, sociology and psychology – are reliably woven into his literary works, the concepts of which strengthen the platform of historiosophical beliefs. Within the framework of the article, the author brings to the forefront a philosophical analysis of the causes of the existential crisis of migrants, as well as meaningful factors in the predictability of migrants' behavior in the struggle to preserve their national identity in a foreign world.

Keywords: Fyodor Stepun, emigration, philosophy, existential crisis, nostalgia

Ivan Smirnov, University of Lodz, Łódź – Poland, ivan.smirnov@uni.lodz.pl, <https://orcid.org/0000-0003-3066-5591>

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломать, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням
Данте, *Божественная комедия* (Dante 388)

Невозможно рассматривать современную историю человечества, игнорируя процессы такого сложного социального явления как миграция. Политические, экономические и экологические проблемы стимулируют процессы миграции, вместе с тем социальная нестабильность и ангажированная религиозная мобилизация также вынуждают миллионы людей покидать свою страну. Динамика человеческой мобильности прослеживается с пер-

вых правдивых историй мигрантов Библейских времен. Глобализированный мир, в котором мы живем, характеризуется сформировавшейся мультикультурной средой большинства крупных государств, которая привлекает огромное количество мигрантов. Не последняя роль в принятии решения о смене места жительства принадлежит интенсивным трансэтническим коммуникациям и релевантным перспективам на рынке труда.

Целью данной статьи является попытка концептуализации миграционных процессов посредством интерпретации трудов Федора Степуна. Методологическим базисом является введенная ученым классификация категорий мигрантов, которая может быть использована при формализации опыта адаптации субъекта за пределами своей родины.

Исследователи в этой области различают основные типы миграции: международную, внутреннюю, принудительную, добровольную, сезонную, селективную, организованную, неорганизованную, маятниковую и отмечают, что в соответствии с текущими реалиями усиления трансэтнических контактов, циркулярную миграцию (временный отъезд с возможностью возвращения) можно рассматривать как способ повышения профессионального статуса (Lebedeva 79).

Стоит акцентировать, что все чаще иммиграция воспринимается индивидами как личный вызов. Латентными причинами оттока интеллектуальной элиты из родной страны становятся поиск более инклузивного общества, а также стремление к другому образовательному и культурному пространству, однако к циркулярным мигрантам эти факторы не относятся. Субъективный взгляд подсказывает, что недостаточные преференции и механизмы адаптации для социально уязвимых слоев населения, к которым относятся мигранты и беженцы, нередко приводят последних к социальной изоляции.

В многочисленных научных трудах, посвященных изучению проблем человеческой глобал-миграции, достаточно широко изучены межличностные паттерны поведения мигрантов, связанные с их адаптацией в другой социальной среде. Не хотелось бы широко обобщать, однако следует подчеркнуть, что в наше pragматичное время и мигранты, и беженцы сбиваются в земляческие сообщества с корпоративным стилем поведения, и в современной интерпретации новому Отечеству они несут трудно преодолеваемую враждебность. Однако нельзя не учитывать и экзистенциальный кризис самих переселенцев, проявляющийся вследствие длительного психологического дискомфорта в период аккультурации. В работе Михаила Аркадьевича, посвященной проблемам катастрофичности человеческого существования в свете цивилизационной сформированности „*Homo sapiens* как индивид по своей структуре является лингвистической и экологической катастрофой, то есть бытием, разорванным машинами сознания – речью и языком” (Arkad'ev 177).

Федор Степун – религиозный философ, писатель, культуролог, социолог и публицист, литературное наследие которого лежит в основе данного исследования, покинул Россию с первой волной так называемой белой эмиграции, но несмотря на столетний временной разрыв, его философское осмысление феномена миграции актуально и в современном мире. „У нас, Степунов, – бродячая кровь”, – говорила кузина философа про их общий шведско-финский род Аргеландеров, переселившийся в начале XVII века из-под Або в Пруссию (Stepun 1956а: 51). Немец по крови и русский по духу, эсеровски настроенный философ после революции 1917 года служил в Красной армии, был руководителем „Показательного театра революции” в Москве, соредактором журнала „Логос”, занимался литературным творчеством. В первой половине XX века писал правящей партии большевиков к высокointellektual'noj прослойке общества выразился в том, что ее представители не были подвергнуты уничтожению или принудительному заключению, а были высланы из России. В 1922 году Степун вместе с другими известными деятелями русской культуры на легендарном „философском пароходе” был депортирован советским правительством в Европу. В числе пассажиров парохода – классик социологии Питирим Сорокин, ученый князь Николай Трубецкой, славист Дмитрий Чижевский, религиозный и политический философ Николай Бердяев и многие другие известные ученые, писатели, белые офицеры, унесшие в своих головах солидные научные знания и проекты, а отдельные личности, такие как премьер русской литературы Иван Бунин, увезли еще и „неподкупную совесть России” (Stepun 2017: 554).

Степун, имея немецко-литовские корни, в свое время получил докторскую степень в Гейдельбергском университете, поэтому Германия, как и Россия, была ему близка и понятна. Депортированных ученых очень тепло приняли в Берлине. В эссе о Николае Бердяеве Степун отмечает, что власти города предоставили изгнаникам очень хорошие помещения, в которых они разместили эмигрантский университет и бердяевскую академию (Stepun 2012: 119). Представитель двух цивилизаций в другом Отечестве получил место профессора в Дрезденском техническом университете. Когда нацисты пришли к власти, то запретили ему преподавать из-за его „русского национализма, практикующего христианство и жидопослушность” (Stepun 1956а: 52), но уже в 1947 году он был приглашен в Мюнхенский университет вести предмет „История русской мысли”. Степун, которого называли „мостом между Россией и Герmaniей” единолично сумел стать центром духовной жизни русских литераторов в Германии.

Три волны русской эмиграции: первая, причинами которой стали Первая Мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция (рубеж 1910–1920-х годов); вторая, связанная с исходом Второй мировой вой-

ны (1940-е годы), и третья как следствие политической „оттепели” (конец 1960-х – начало 1980-х годов.) – мощным оттоком вынесли в Зарубежье интеллектуальные и культурные силы страны (Matveeva 4). Эмигранты первой волны представляли собой широкий круг российской интеллигенции Серебряного века. Сплотившись вокруг центров эмигрантской печати, находившихся в Праге, Берлине, Париже и многих других городах Европы, Америки и Азии, они довольно успешно пытались восстановить свою прежнюю научную и культурно-просветительскую деятельность, а именно общее число периодики превышало четыре тысячи наименований в русском зарубежье (Anan’ič et al. 268, 336). В Константинополе (Стамбуле), куда были эвакуированы армии генерала Антона Деникина и барона Петра Врангеля в 1920 году, была открыта первая русская библиотека-читальня, гимназия и курсы (Nikolûkin 38). Представителей второй и третьей волн эмиграции Степун считал обладателями „окопной” психологии, но именно они, по его мнению, должны были помочь „разгадать страшный облик породившей и воспитавшей их России” (Stepun 1956b: 429). Стоит отметить, что в эмигрантской полемике функционировало два контрадикторных нарратива: свержение большевистского режима и принятие его (Myklebost, Nielsen, Rogatchevski 162).

В свою очередь и молодые соотечественники недооценивали эмигрантов первой волны, упрекали их в „эстетическом консерватизме и языковой омертвелости” (Blaškiv, Mnih 154). Философ предполагал и надеялся, что социологию парижской эмиграции потомки будут изучать сквозь призму творчества поэтессы Марины Цветаевой, испытавшей и жизнь вдали от Родины, и фатальную стезю на родной земле (Stepun 1956a: 275). Эмигранты второй волны в большинстве своем „исповедовали пафос активного противостояния и обличения советского строя”, жили отталкиванием своего прошлого, „хотя содержательно и художественно с этим „советским” были кровно и порой нерасторжимо связаны” (Matveeva 6). Опасность новой волны эмиграции философ видел в полном отсутствии „plenительных воспоминаний” (Stepun 1956a: 7). Степун считал, что общих воспоминаний с более молодыми соотечественниками, „родившимися под красною звездой” быть не может, но „может и должна быть общая память” (Stepun 1956a: 8). Возможно, именно к людям со схожей психологией обращался известный российский бард, представляющий поколение „шестидесятников” прошлого века, Владимир Высоцкий, сумевший в нескольких поэтических строках выразить самую суть проблемы, к которой должен быть готов человек еще до начала странствий в поисках лучшей жизни.

А в общем, Ваня, мы с тобой в Париже
Нужны как в русской бане – пассатижи!

Проникновенье наше по планете
Особенно заметно вдалеке:
В общественном парижском туалете
Есть надписи на русском языке! (Vysotsky 340)

В слова предсмертной записки, застрелившегося в Марселе эмигранта: „а в Туле небо было ярче” – вложена вся глубина экзистенциального трагизма потерянного человека, и по мнению Степуна, это не такое уж „преувеличение, в особенности если принять во внимание преображающую силу тоскующей памяти” (Stepun 1956a: 16).

Эстетическая матрица самого философа-неокантианца Степуна, произведения которого по праву принадлежат золотому фонду европейской научной мысли XX века, вкупе с мыслительными изысканиями позволяют, насколько это возможно, приблизиться к пониманию причин депрессивного эмоционального состояния переселенцев, а автобиографический опыт философа, проведшего вторую половину жизни в эмиграции, обозначил немало перспектив для дальнейшего развития и осмысления заявленной проблематики. Не только благодаря своему научному авторитету, но и личным примером Степун показал, как не раствориться в чужом мире, органично влиться в него, не отказаться, а сохранить национальную идентичность и при этом навсегда остаться в истории русским европейцем. Под русским в Российской империи понимался любой человек, для которого русский язык был первым, часто не единственным. Таким образом человек мог иметь несколько национальностей и менять их в течение жизни (Fitzpatrick 20).

В фокусе социологических исследований Степуна, с учетом того, что „философия есть постоянная актуализация экзистенциальной структуры человека” (Arkad'ev 187), оказался прецедент адаптации широкого круга российской творческой интеллигенции в Европе. Стоит заметить, что хотя большая часть иммигрантов и была знакома с европейскими странами, многие из них хорошо знали языки стран пребывания, но внутренней готовности покинуть Родину у них все же не было. Из собственного сублимированного восприятия эмигрантского мира философ выводит интеллектуального человека, не имеющего высокой цели, абстрагированного от привычного ему культурного социума, и представляет его как социального актора, вынужденного ежеминутно примерять на себя незнакомую жизнь и играть в чужой стране по чужим правилам. Идеи соотечественника – эмигранта, режиссера и драматурга Николая Евреинова, утверждающего, что в плане выработанного „европейской культуры” человека, каждая примеренная на себя новая социальная роль впоследствии „превращается в нашу вторую натуру и каждая минута жизни – в театр”, также оказалисьозвучны духу того времени (Evteinov 50).

Человек, обреченный на вечную миграцию, душевные страдания которого по большей части усилены моральной капитуляцией перед самими собой, испытывает длительный стресс, переживает глубокую экзистенциальную трагедию, поскольку вынужден впитывать в себя чуждый ему уклад жизни, влияться в другую языковую среду, при этом подсознательно протестуя и не желая отторгать прежнюю. Философский подход к процессам миграции „проявляет, актуализирует саму фундаментальную бездомность человеческого существования, заставляет помнить, кто же человек есть на самом деле” (Arkad’ev 189). Эмигрант становится человеком двух социальных миров, не сумевшим создать органичное соединение жизни на родине с жизнью на чужбине, подчинившийся необходимости постигать альтернативы привычных ему духовных и культурных артефактов.

Федор Степун в своей работе *Родина, отчество и чужбина*, размышляя об эмигрантах – людях в истории любого государства, предложил различать значения лексем „родина” и „отчество”. „Родина – начало материнское, Отчество – начало отчее” (Stepun 2017: 531–532). По мнению философа, „Отчество – это меч и щит родины. Не в историческом, но в иерархическом порядке родина первичнее отечества. Если бы у нас не было что защищать, нам не были бы нужны ни меч, ни щит” (Stepun 2017: 534). Жалеет ли Отчество своих сыновей, покидающих родной дом? Отец поступает со своим ребенком сурово и, в отличие от матери, не показывает эмоций. Вот и советское правительство России, отправляя своих граждан в эмиграцию, надеялось, что для кого-то из них это временно, многие найдут возможность вернуться, а о людях, далеких от идеологического патриотизма с властью, и сожалеть не стоит. В первые годы после Октябрьской социалистической революции Россию покинули миллионы ее граждан. И чем крепче и сакральнее была их связь с Родиной, тем мучительнее проходил процесс обретения новой семьи. Убежденные антибольшевики, долгие годы существовавшие в эмиграции в эмбриональном состоянии, после победы над Гитлером превратились в „новоявленных советофилов” (Stepun 2017: 541–542), но возвращаться в Россию побоялись. Если взять за основу мысль Степуна о том, что „моя нация – это моя духовная родина” (Stepun 2017: 533), то возникает вопрос: стала ли Европа для миллионов переехавших иностранных граждан духовной родиной, или они навсегда остались эмигрантами, сущность которых духовно не оторвались от своей матери и не приняла новый дом. Родина – это прежде всего национальная культура и язык. Согласно философскому учению Степуна, „возможность перемены гражданства проливает новый свет” на глубокое различие между родиной и отечеством. Мотивированная и быстрая смена родины невозможна. Следует учитывать, что „приобретение новой родины – про-

цесс очень длительный и возможный лишь для детей или даже внуков эмигрантов” (Stepun 2017: 534). Переселенцы осваивают язык, проникают в государственные структуры, но не могут до конца стать своими среди чужих в силу того, что не могут принять чужую духовность. В этом плане показателен пример самого Степуна. Отрыв от „родителей” произошел для Степуна внезапно, он покинул Советскую Россию – свою Родину-мать и влился в ряды многочисленных эмигрантов Германии.

Как в прошлом веке, так и сейчас перед эмигрантом стоит задача не просто найти работу, чтобы прокормить и вырастить своих детей, а – подчеркнем особо этот факт – в идеале вырастить детей уже европейцами, но при этом воспитать без духовного отрыва от своей настоящей родины. Овладение языком является лишь первой ступенью, гораздо сложнее перевернуть собственное представление о своей оставленной Родине и научиться рефлексировать как новые соотечественники. Вот здесь и кроется проблема.

Согласно философскому учению Степуна, человеку жаль свою униженную и растерзанную Родину-мать больше, чем ее же, но оставленную в благополучии. В данном контексте эмигрант – „это активный борец за свою родину-мать против предавшего ее отца” (Stepun 2017: 536), вот только в дополненном современном варианте защищать свою родину мигранты пытаются „вооруженной рукой чужого государства” (Stepun 2017: 537).

Стоит отметить, что в силу сложившихся обстоятельств, русская литературно-философская элита в Европе проявляла по отношению к новому отечеству и друг другу повышенную толерантность в то же время для целого поколения эмиграция оказалась „вынужденным эзистенциальным состоянием, обусловленным ходом исторических событий” (Blaškiv, Mnih 9). В связи с этим философ подчеркивает, что Родина не есть внешний факт, к признанию которого можно кого-нибудь принудить, а есть в живом и личном опыте обретаемый мир, глубина и широта которого никому не может быть предписана (Stepun 2017: 533). Так и мигрант на чужбине, глядя на блага нового отечества, все равно ностальгирует по образу Родины: яркому небу, запахам вспаханной земли, быстрым дождям – этим милым картинам родной природы, как сын, который хранит в самом дальнем уголке сознания любовь и тоску по настоящей матери. Находящиеся на чужбине с нежностью вспоминают своих знакомых, оставленных на родине, но вспоминают без острой тоски или ненависти, а просто как „зеленые березки”, милые сердцу березки под балконом. Издалека и народ воспринимается „очеловечившейся стихией”. В позитивном аспекте разница „между людьми высших классов и многомиллионным массивом народа исчезнет”, вместе с тем изменится и чувство природы, то „утонченное осязание ее одухотворенной плоти, ее космической души” (Stepun 1956а: 25).

В любом виде деятельности необходимо органическое сращение „верности своей покинутой родине с творческим освоением второго отечества”, в котором, как он считал, „вдали от всякой политики” и таится смысл эмигрантской жизни (Stepun 2017: 536). Потеря родного языка детьми и внуками эмигранта, угасание духовной связи с Родиной приводит личность к экзистенциальному кризису, трагическому духовному расхождению между устоявшимся менталитетом нации и морально-эстетическими авторитетами нового Отечества. Как дети, вырвавшись из распадающейся семьи и в спешке покидающие отчий дом, не разрывают до конца связи с матерью, так и эмигранты, сменив отчество, а в третьем поколении и утратив свой национальный облик, переносят в новый мир духовный образ своей Родины. Они, умышленно не вспоминая Родину, все равно подсознательно берегут ее в сердце.

Развивая мысль о невозможности изолироваться от староэмигрантских воспоминаний и уверенности в том, что мигранты оказываются не готовыми к осмысливанию новой жизненной парадигмы, Степун в соответствии с собственной авторской стратегией составил социологическую конструкцию переселенцев. Людей, покидающих родную страну в силу каких-то причин, Степун условно делит на мигрантов и беженцев, причем и те, и другие нередко бывают свободны от идеологического табуирования, а потому и взаимопереходны. Для данной теории характерно то, что беженец, как социальный элемент, представляет собой полную противоположность эмигранту: „Он не способен на органическое соединение жизни с родиной с жизнью на чужбине” (Stepun 2017: 539).

В ходе социологических исследований Степун выделяет два типа беженцев: беспочвенных лириков, попавших в Европу после ликвидации Белого движения, и зубастых мещан-дельцов. К первому типу относятся беженцы с такой одержимой тоской по Родине, что „не в силах хоть как-нибудь устроиться в чужой стране”. Второй тип беженцев-дельцов наоборот молниеносно забывает свою страну и „недурно устраивается в любой среде” (Stepun 2017: 539). Степун подчеркивает, что такой тип беженцев не представляет для общества никакой проблемы, так как во втором поколении они утрачивают свой национальный облик, а в третьем поколении и язык. Сегодня, спустя сто лет, психология изгнанников практически не претерпела никаких изменений. Беженцев-лириков и сейчас прибывает в Европу не так много, в отличие от тех мигрантов, социальные перспективы которых философ выразил в следующем контенте: „У себя обязательно сели бы в тюрьму за буржуевство, а здесь, Бог даст, в люди выйдем. Надо сказать, и впрямь выходили” (Stepun 2017: 539).

Первая мировая война, в которой принимал участие Степун, способствовала формированию христианско-политической доктрины писателя, что ча-

стично нашло свое отражение в его творчестве. В произведении „Из писем прaporщика-артиллериста” Степун отмечает, что человек, не видевший и не переживший войны, „никогда в ней ничего не поймет, т. е. не откажется от понимания, объяснения и оправдания ее” (Stepun 1926: 266). Война представляется солдатам чем-то „вроде крестового похода”, а самое большое недоумение было вызвано известием о том, что до немецкой границы, до фронта эшелон будет ехать три недели (Stepun 1956a: 348). Не углубляясь в логическую природу причин вооруженных конфликтов, можно констатировать, что любая война сопряжена с миграцией. Если в зависимости от складывающейся политической обстановки, военные действия перемещаются на территорию другого государства, то есть вероятность, что часть граждан впоследствии не возвращается. Военнопленные, по каким-либо причинам оставшиеся на оккупированных территориях, со временем тоже становятся эмигрантами.

Немного фантастически на фоне реалий современных войн выглядит случай, описанный молодым тогда еще прaporщиком-артиллеристом Степуном. На территории России, прибывшие на поезде пленные австрийские офицеры, заняли все буфеты на большой „доуральской” железнодорожной станции. На платформе они также „скупили всякий провиант у баб и подростков” – жареных кур по 40 копеек и огромные бисквитные торты, которые специально пекли для пленных местные жители, потому что те не любили черный хлеб (Stepun 1956a: 351). Приведенный пример показателен тем, что дает объяснение постоянному проживанию в Сибири австрийцев, японцев, норвежцев и др. Не переосмыслив историко-культурный контраст между новым Отечеством и оставленной Родиной, эмигрант, лишенный прочных горизонтальных связей с соотечественниками, оставался человеком двух миров, трансформирующим свое существование в потерянное прошлое.

Историософ Федор Степун, находившийся на вершине европейской литературной мысли, считал, что „помнить прошлое – значит нести его в себе как свое наследство и во всех своих чувствах и помыслах постоянно излучать его” (Stepun 2017: 540). Этого правила придерживалась и вся творческая интеллигенция русского зарубежья XX века.

Анализируя философские размышления Степуна о политических реформах, нельзя не отметить его историческую прозорливость относительно сегодняшней России: „Зная факты и статистику, мы живой теперешней России перед глазами все же не видим. В голове у нас все ясно, перед глазами мрак” (Stepun 1956a: 429).

Невозможно не согласиться и с мыслями философа о важности социального статуса эмигранта в новом Отечестве. Понижение социального статуса влечет за собой внутреннюю потерянность мигранта, он испытывает эмоци-

нальное расстройство, что в реальности толкает его не к рефлексии и принятию адекватных решений, а к криминализации и в самых тяжелых случаях депрессивного расстройства – к суициду. Оказавшись в ином социальном и коммуникативном пространстве, переселенец ощущает и когнитивный диссонанс, и потерю смысла жизни. Уменьшающийся список свобод, падение уровня жизни, смена политического строя и отсутствие правозащитных гарантий вынуждают людей мигрировать в экономически более стабильные государства, формируя инклюзивный социум и создавая новый жизненный контекст. Если мигранты с их духовным и культурным прошлым будут приняты новым обществом всецело, то есть надежда, что процесс их инкультурации будет проходить без воздействия каузальных факторов.

Этическая проблематика разноконфессиональной принадлежности мигрантов в разы осложняет процессы интеграции, а вопрос о готовности социума европейских стран публично признать существование социальной стигматизации остается открытым. Данный фактор является устойчивым, т. е. не меняется со временем. В частности, мигранты исключены из государственной системы благосостояния, но принадлежат рынку низкоквалифицированного труда (Krivonos 69). В дополнение к вышесказанному стоит указать, что связь между государственными органами и иммигрантами имеет политическую природу, в то время как, связь между иммигрантами и членами принимающего общества однозначно соотносится с социальной природой (Bustamante 61).

По сути, можно отметить, что Степун в нарративах описал современный европейский культурный плюрализм. Согласно этой концепции „гетерогенность культуры обусловлена сосуществованием этнических меньшинств, сохраняющих и поддерживающих свою идентичность в обществе” (Osipov 154–155). Вместе с тем культурный плюрализм предполагает сохранение только тех культурных различий, которые „входят в противоречие с основными ценностями и нормами господствующей культуры” (Osipov 155). Рассуждая о социальных обязанностях власти, философ интуитивно предполагает, что управление миграционными процессами и интеграцией беженцев со временем может стать настоящей проблемой, поскольку культура непрерывных отношений между различными цивилизациями должна основываться на взаимном уважении.

Степун был благодарен судьбе за то, что оказался в Европе, где он имел возможность в течение долгих лет заниматься наукой, писать, преподавать в университете на специально открытой для него кафедре, но, случайно встретив в Германии своего знакомого из России, ученый признавался, что „сгорал страстью желания вернуться вместе с ним в Москву” (Stepun 1956b: 281), на Большую Никитскую улицу в „Лавку писателей”, в этот бе-

режно хранимый в душе уголок, где он был по-настоящему счастлив. В погружении в прошлое и состоит „предельно обостренная общебеженская болезнь – ностальгия, особенно опасная у активных политических эмигрантов, не понимающих, что мечтательный вальс «Невозвратное время» не превратим в воинственный марш «Счастливое будущее»” (Stepun 1956b: 408). Воспоминания, „пристранные к прошлому и несправедливые к настоящему”, неизбежно разлагают душу субъекта „сентimentальной мечтательностью и ввергают мысль в реакционное окаменение” (Stepun 1956a: 7). Центром и сущностью эмигрантского сознания и эмигрантской жизни является „органическое соединение жизни с родиной с жизнью на чужбине” (Stepun 2017: 539). Превратившись в социального актора, субъект не обжигает новое коммуникативное пространство, а по факту создает собственный социокультурный ареал, опираясь на духовное наследие своих предков.

References

- Anan'ič, Boris et al. *Èmigrantika/Emigrantika. Periodičeskie izdaniâ russkogo zarubež'â: voprosy istočnikovedčeskoj kritiki*. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskij universitet, 2012.
- Arkad'ev, Mihail. „Filosofiâ bezdomnosti, večnaâ èmigraciâ i domostroitel'stvo”. *Filosofskij polilog*, 1 (11), 2022, s. 176–190.
- Blaškiv, Oksana, Roman Mnih, red. *Fenomen russkoj èmigracii*. Siedlce, Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2020.
- Bustamante, Jorge. „Max Weber Revisited, the Verstehen of migration through qualitative research”. *Migraciones internacionales*, 9 (1), 2017, s. 43–67.
- Dante, Alig'eri. *Božestvennââ komediâ*. Per. Mihail L. Lozinski. Moskva, Nauka, 1967.
- Evreinov, Nikolaj. *Demon teatral'nosti*. Moskva, Letnij sad, 2002.
- Fitzpatrick, Sheila. *White Russians, red peril. A cold war history of migration to Australia*. New York, Taylor & Francis Books, 2021.
- Krivenos, Daria. *Migrations on the edge of whiteness: Young Russian-Speaking migrants in Helsinki, Finland*. Helsinki, Unigrafia, 2019.
- Lebedeva, Marina, red. *Intellektual'naâ migraciâ v sovremennom mire: učebnoe posobie*. Moskva, MGIMO-Universitet, 2014.
- Matveeva, Úliâ. *Russkaâ literatura zarubež'â: trivolny èmigracii XX veka: učebno-metodičeskoe posobie*. Ekaterinburg, Ural, 2017.
- Myklebost, Kari Aga, Jens Petter Nielsen, Andrei Rogatchevski. *The Russian revolutions of 1917: The Northern impact and beyond*. Boston, Academic Studies Press, 2020.
- Nikolûkin, Aleksandr, red. *Literaturnââ ènciklopediâ russkogo zarubež'â (1918–1940)*, T. 2. Moskva, RAN, Institut naučnoj informacii po obšestvennym naukam, 1997.
- Osipov, Gennadij, red. *Sociologičeskij ènciklopedičeskij slovar'. Na russkom, anglijskom, nemeckom, francuzskom i češskom ázykah*. Moskva, infra – norma, 1998.
- Stepun, Fedor. *Bol'sevizm i hristianskaâ èkzistenciâ. Izbrannye sočineniâ*. Moskva, Sankt-Peterburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017.
- Stepun, Fedor. *Byvšee i nesbyvšeesâ*. T. 1. N'û-Jork, Izdatel'stvo imeni Čehova, 1956a.

- Stepun, Fedor. *Byvšee i nesbyvšeesâ*. T. 2. N'û-Jork, Izdatel'stvo imeni Čehova, 1956b.
- Stepun, Fedor. *Iz pisem praporšika artillerista*. Praga, Plamâ, 1926.
- Stepun, Fedor. *Mističeskoe mirovidenie. Pâť obrazov russkogo simvolizma*. Sankt-Peterburg, Vladimir Dal', 2012.
- Vysotsky, Vladimir. *Songs and poems*. New York, Literary frontiers publishers, 1981.